

Татьяна Китанина

А была ли «дуэль»?

ВОКРУГ «СТАРОЙ БЫЛИ» КАТЕНИНА

Tatyana Kitanina

Was there a «duel»? Around Katenin's poem «The Old Story»

Татьяна Китанина

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения; кандидат филологических наук
tkitanina@gmail.com.

Tatyana Kitanina

IRLI RAS (Pushkin House), senior researcher at the Pushkin Studies Department; Candidate of Philological Sciences
tkitanina@gmail.com.

Ключевые слова: «Старая быль», декабристы, Пушкин, Катенин, дружеское послание

Keywords: «The Old Story», Decembrists, Pushkin, Katenin, friendly epistle

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_128

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_128

В статье пересмотрена просуществовавшая столетие концепция отношений Пушкина и Катенина, связанная с интерпретацией стихотворений «Старая быль» Катенина и «Ответ Катенину» Пушкина как «поэтической дуэли». Впервые мысль о том, что «Старая быль» была памфлетом на Пушкина, высказал Ю.Н. Тынянов, связавший остроту памфлета с недовольством, вызванным у декабриста Катенина сервильностью пушкинских стихотворений «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1827–1828). Пушкинский «Ответ Катенину» прочитывался в этом контексте как гневная отповедь. В настоящей работе показана хронологическая неточность этой концепции и неактуальность для стихотворения Катенина навязанного ему «декабристского» контекста.

This article challenges the century-old interpretation of the relationship between Pushkin and Katenin, particularly the view that their poems «The Old Story» by Katenin and «The Answer to Katenin» by Pushkin represent a «poetic duel». Yu.N. Tyunyanov was the first to propose that «The Old Story» served as a pamphlet attacking Pushkin, stemming from Katenin's dissatisfaction with the perceived servility of Pushkin's poems «Stanzas» (1826) and «To Friends» (1827–28). In this reading, Pushkin's response, «The Answer to Katenin», is often seen as an angry rebuttal. However, this article questions the chronological validity of such an interpretation and argues against the imposition of a «Decembrist» context on Katenin's work.

Имя Павла Катенина, интересного и самобытного, но отнюдь не самого знаменитого поэта первой половины XIX века, вероятно, было бы забыто, как и многие другие имена писателей и поэтов этого времени, если бы не два контекста, в которые оно традиционно включалось и которые заставляли исследователей и публикаторов снова и снова обращаться к творчеству Катенина. Речь идет о его роли в истории декабристского движения и о многолетних личных и творческих отношениях с Пушкиным. Настоящая статья призвана расставить новые акценты относительно позиции Катенина в обеих этих историях.

На протяжении столетия со времени публикации Ю.Н. Тыняновым статьи «Пушкин и архаисты», содержавшей эпизод о полемическом содержании «Старой были» Павла Катенина¹, этот эпизод стал общим местом и не подвер-

1 Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. [Л.]: Государственное издательство, 1926. С. 260–265; Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. С. 160–177. В дальнейшем ссылки на статью Тынянова будут приводиться по научному комментированному изданию 1968 года (см. след. сноску).

гался сомнению, а, напротив, приобрел значение центрального события в отношениях между Пушкиным и Катениным и призмой, через которую рассматривались многие пушкинские тексты, включая «Моцарта и Сальери»², «Анчар»³ и др.

История эта сводится к тому, что декабрист Катенин, возмущенный сервильностью пушкинских «Стансов» («В надежде славы и добра...», 1826) и связанного с ними стихотворения «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...», 1827–1828), ответил на них памфлетом «Старая была» (1828), выведя Пушкина в образе греческого певца-кастрата, поющего льстивую песнь князю Владимиру. В «Старой были» выстраивалась параллель между песней кастрата, где император Константин восхвалялся как родственник Владимира (к которому обращена песнь) и пушкинскими «Стансами», где Петр Первый возвеличивался как пращур адресата-Николая, каковому новый император должен быть подобен в величии и великодушии. Послав это стихотворение Пушкину, Катенин сопроводил его внешне комплиментарным стихотворным посланием, призванным смягчить жесткость памфлета, на которое Пушкин, сильно уязвленный памфлетом, откликнулся ядовитым и гневным «Ответом Катенину», напечатанным им в той же книжке «Северных цветов», что и «Старая была». Неясным оставалось в этой истории, правда, как в таком случае Катенину удалось сохранить с Пушкиным добрые отношения, просить его о помощи с подпиской на собрание своих стихотворений, публиковать по приглашению Пушкина в 1830 году большой цикл статей в «Литературной газете» и получить от него в высшей степени комплиментарный отзыв на свою книгу («Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», 1833). Да и тот факт, что Пушкин сам отдал для публикации в «Северные цветы» «Старую была», сопровождаемую примечанием о том, что это стихотворение передано в альманахах именно им, но не стал печатать лестного послания к нему Катенина (напечатав лишь свой ответ на него отдельно от «Старой были»), также выглядит довольно странно.

Возможно, приглядевшись пристальнее к датам и контексту этих стихотворений, не раз именовавшихся «дуэлью» двух поэтов, можно будет внести некоторую ясность в эту историю.

Итак, что мы знаем о датах создания «Старой были» и двух пушкинских стихотворений? Внешне построение Тынянова выглядит очень убедительно: в 1826 году Пушкин пишет «Стансы», в конце 1827 — начале 1828 (до февраля, когда он передает стихотворение в цензуру) в ответ на недовольство льсти-

-
- 2 Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 84–85; см. также тонкую статью Б.А. Каца, исходящую, однако, из тех же посылок: Кац Б.А. Вопрос 7: Кто и где свистел? // Кац Б.А. Одиннадцать вопросов к Пушкину: Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 86–89.
 - 3 Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ, 1941. С. 422–426; *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. С. 188–193; *Строгонов М.В.* Пушкин и Катенин: К истории стихотворения «Анчар» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2010. № 4. С. 221–243. Критический обзор обеих гипотез, выполненный А.А. Долининым, см.: *Пушкин А.С.* Сочинения: Комментированное издание / Под общ. ред. Д.М. Бетеа. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. М.: Новое издательство, 2016. С. 82–85 (комментарий к «Моцарту и Сальери») и 278–279 (комментарий к «Анчару»).

востью «Стансов», исходящее от друзей, создает стихотворение «Друзьям» — а в марте 1828 года получает отповедь Катенина в «Старой были»⁴. Однако на деле хронология оказывается несколько иной. Во-первых, по свидетельству самого Катенина, «Старая была» была начата им еще в Петербурге летом 1827 года и ее начало Пушкин читал, одобрил и настаивал на необходимости продолжения⁵, что плохо согласуется с трактовкой стихотворения как памфлета, направленного против него. Во-вторых, Пушкин лишь 22 августа 1827 года получил одобрение «Стансов» царской цензурой и начал их распространять и читать друзьям⁶. Поскольку «Стансы» (как и последующее стихотворение «Друзьям») имели большое тактическое значение для отношений поэта с властью и его надежд влиять на нового императора, возможность их распространения до высочайшего одобрения была исключена — гнев государя на самовольное чтение не дозволенного еще текста разрушил бы все стратегические планы поэта. Это подтверждается и документально — до конца августа не зафиксировано ни одного упоминания «Стансов» ни в переписке пушкинского круга, ни в дневниках или донесениях современников. Первое известное публичное чтение стихотворения состоялось 31 августа на новоселье у О.М. Сомова⁷. Катенин выехал из Петербурга 20 или 21 июня и, тем самым, замысел его «Старой были» и начало работы над ней относятся ко времени, когда «Стансы» еще не были известны даже в ближайшем пушкинском окружении, так что Катенин не мог их знать. Вся дальнейшая история относится ко времени его постоянного пребывания в своем имении Шаёво без наездов в столицу.

Катенин живо интересовался всем, что писал Пушкин, однако тексты до Шаёва доходили с большим запозданием. Так, 10 сентября 1827 года он просит Бахтина прислать ему балладу «Жених», напечатанную в «Московском вестнике»⁸, хотя журнал вышел в свет около 9 июля — и из письма очевидно, что просит именно для первого прочтения, подозревая, что пушкинский текст как-то связан с его «Наташей» (под этим названием он упоминает пушкинскую балладу)⁹. Откликнулся на «Жениха» он в письме от 28 ноября — очевидно, сразу по прочтении¹⁰. Таким образом, интервал между публикацией стихотворения и прочтением его в Шаёве составил без малого пять месяцев.

-
- 4 Именно так выстраивает историю Тынянов — *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. С. 75.
 - 5 См.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В.Э. Вадуро, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой и Я.Л. Левкович. Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 188. Можно было бы предположить, что Катенин в поздних воспоминаниях нарочно отнес начало работы над «Старой былью» к петербургскому периоду, чтобы отвести ее связь с пушкинскими стихами, но в письме к Бахтину из Шаёва от 11 февраля 1828 года он упоминает о «Старой были» как о стихотворении, начало работы над которым Бахтин должен помнить по их общению в Петербурге (см.: Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века) / С вступ. ст. и примеч. А.А. Чебышева. СПб.: Электро-Типография Н.Я. Стойковой, 1911. С. 109).
 - 6 См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина / Под ред. Н.А. Тарховой. Т. 2. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. С. 291 и след.
 - 7 *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором // *Модзалевский Б.Л.* Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб.: Искусство—СПб, 1999. С. 109.
 - 8 *Московский вестник.* 1827. Ч. 4. № 13. С. 3–10. Ценз. разр. от 23 июня.
 - 9 Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. С. 95.
 - 10 Там же. С. 100–101.

Делясь с Бахтиным практически всеми литературными впечатлениями, Катенин едва ли мог обойти вниманием «Стансы» — и он их, конечно, упоминает. Впервые — в письме от 17 апреля 1828 года. Именно тогда в его словах звучит та оценка «Стансов», которую позднее не раз приводили в связи со «Старой былью» как доказательство направленности ее против Пушкина: «...они, как многие вещи в нем, *плутовские*, то есть, что когда воеводы машут платками, коварный Еллин отыграется от либералов, перетолковав все на другой лад...»¹¹. По-видимому, это отклик на присылку Бахтиным «Стансов» как новинки и первое впечатление от них. Стихотворение было напечатано в «Московском вестнике» в январе 1828 года¹² — по всей видимости, Катенин получил через три месяца после публикации печатный экземпляр или текст, переписанный из журнала: Бахтин не общался с Пушкиным и едва ли мог знать стихотворение до его выхода в свет, а в переписке Катенина с Пушкиным нет упоминаний «Стансов»¹³. Но цитируемое письмо к Бахтину написано уже после отправки Пушкину (и Бахтину) и «Старой были», и послания¹⁴. Таким образом, об упоминании в письме «эллина» можно говорить, скорее всего, только как об автоцитате (тем более что непосредственно перед этим фрагментом находится подробное обсуждение «Старой были», очевидно, вызванное замечаниями на нее Бахтина). То есть не эллин писался с Пушкина, а стихотворение Пушкина вызвало у автора «Старой были» ироничную ассоциацию с собственным персонажем. Тут нужно сделать важную оговорку — сам Катенин многократно утверждал, что не выносит «применений» и считает дурным тоном писать под видом исторических картин современные памфлеты, способные произвести лишь минутный шум¹⁵. Свою стихотворную повесть Катенин, судя по его письмам, ценил достаточно высоко и едва ли считал однодневкой¹⁶. С другой стороны, живя постоянно в своих текстах, которые он

11 Там же. С. 114–115

12 Московский вестник. 1828. Ч. 7, № 1. С. 3–4. Ценз. разр. от 9 января.

13 Хотя И.В. Немировский и показал, что «Стансы» в списках распространялись уже в январе 1828 года шире пушкинского дружеского круга (*Немировский И.В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. С. 242), тон обсуждения в письме к Бахтину явственно указывает на то, что это первое знакомство со стихотворением.

14 Тем более не мог Катенин в своей «были» пародировать пушкинское стихотворение «Друзьям», завершённое только к 1828 году, — в феврале, когда Пушкин отдаёт стихотворение Бенкендорфу, «Старая быль» была закончена и предназначена для Пушкина (См.: Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину... С. 110).

15 См., в частности, его письмо к А.М. Колосовой от 3 февраля 1823 года: «Есть ли во Франции новые трагедии? Вы знаете, что этим именем я не называю пяти актов в стихах, в которых изображены мнимые исторические события, на самом же деле служащие только личиною для удобнейшей декламации о законной власти, о Бурбонах, о Бонапарте, об обеих камерах и о половинном жалованье. Все эти мелочи могут наделать много шума на несколько дней; но так как с искусством они не имеют ничего общего, то и проходят вместе с породившими их обстоятельствами и уже более не появляются» (*Катенин П.А.* Размышления и разборы / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. Л.Г. Фризмана. М.: Искусство, 1981. С. 227).

16 В своем глубоком анализе катенинского стихотворения, отнесенного им к лучшим созданиям поэта, В.Э. Вацууро обнаружил в песне грека характерные черты описаний двора византийских императоров, как он изображался в собственно византийских и позднейших текстах (см.: *Вацууро В.Э.* Сюжет «Старой были» П.А. Катенина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 788–790).

бесконечно отделял, уточнял и обсуждал, он, по-видимому, был более склонен смотреть на окружающую действительность уже через их призму, чем создавать их как отражение окружающего. Скорее всего, именно в этом ключе имеет смысл воспринимать другую его известную автоцитату, находящуюся в письме к Пушкину от 4 января 1835 года: «...ты знаешь мое мнение о светилах, составляющих нашу поэтическую плеяду: в них уважал Евдор одного Феокрита»¹⁷. Цитата взята из стихотворения Катенина «Элегия» (1829) и часто приводится как пример катенинских «иносказаний», то есть того, что под Феокритом в «Элегии» он подразумевал Пушкина, а под Евдором — себя. Однако, как кажется, в 1835 году Катенин процитировал свои стихи, «применив» их к ситуации, о которой писал в тот момент, а не в 1829 году, создавая «Элегию», закладывая в нее такое иносказание (хотя, конечно, герой «Элегии» очень близок автору и наделен многими его чувствами, как и русский воин в «Старой были»).

Однако вернемся к истории «дуэли». В письме от 27 февраля 1828 года, где Катенин впервые сообщает о намерении послать «Старую быль» Пушкину «с припиской» (то есть с посланием к нему), он упоминает о слухах, что Пушкин снова сослан, хотя и не верит им¹⁸. По всей видимости, слухи эти циркулировали довольно широко — о них же (как дошедших к нему в «тамбовское уединение») говорит Баратынский в письме к Пушкину от конца февраля — начала марта 1828 года¹⁹. Возможно, они были связаны со следствием по делу об «Андрее Шень». Трудно себе представить, как, предполагая, что Пушкин снова попал в немилость, Катенин мог выставить его сервильным поэтом, поющим гимны царю²⁰.

Наконец, Катенину, вновь запертому в деревне и страдающему, с одной стороны, от невнимания к нему, а с другой — от нападок на него, было очень важно и дорого упоминание в «Евгении Онегине»:

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый²¹.

Он многократно вспоминал и цитировал эти строки — и желал ответить Пушкину именно на эту похвалу — злой памфлет никак не подходил для такого ответа.

Причину недовольства Катенина Пушкиным и, соответственно, подтекст памфлета в советском литературоведении было принято находить в радикальных декабристских взглядах автора «Старой были». Тот факт, что Катенин был

Это гораздо больше соответствует катенинскому представлению об историзме, чем памфлетное пародирование Пушкина. При этом в «неком роде пародии» на Ломоносова и «всех наших лириков» (то есть, описавцев) он сознавался сам (Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. С. 113) — но это был не памфлет на сегодняшние события, а, скорее, стилизация одического стиля как наиболее узнаваемого образца хвалебной песни государям.

17 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (далее — Пушкин). Т. 16. С. 1.

18 Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину... С. 110.

19 Пушкин. Т. 14. С. 5.

20 Не менее удивительно было бы представлять Пушкина кастратом.

21 Пушкин. Т. 6. С. 12.

активным членом тайного общества, вероятно, носителем идеи цареубийства, так же стал общим местом в восприятии поэта, как и памфлетность его стихотворения²². Однако, если разобраться, что конкретно известно о его участии в декабристском движении, то выясняется, что в документах, связанных с тайными обществами и следствием по делу декабристов, он упоминается буквально несколько раз в связи с ранним и быстро ликвидированным Военным обществом, сведений о деятельности, структуре и составе которого практически не сохранилось и говорить о котором как о «декабристской организации» нет достаточных оснований²³. По всей вероятности, Катенин, известный своим вольнодумством, эпизодически присутствовал на офицерских собраниях, но активного участия в деятельности тайных обществ не принимал²⁴ — уже в 1810-е годы он был гораздо более занят театром и литературой. В 1825 году по личному распоряжению Александра I Катенин был помилован и получил разрешение вернуться в столицу, а в 1826 году не был привлечен к следст-

22 См., напр.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 169–170; *Ермакова-Битнер Г. П.А.* Катенин // Катенин П.А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 8–12 (Библиотека поэта. Большая сер.); *Панов С.И., Песков А.М.* Катенин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 504.

23 В 23 томах издания «Восстание декабристов» (1925–2016) имя Катенина возникает главным образом в связи с двумя эпизодами 1817 года, имеющими отношение к полковнику Артамону Захаровичу Муравьеву (1793–1846). Первый из них — листок с «согласием» набирать новых членов, выданный А.З. Муравьеву по его просьбе при отправке в полк и подписанный Катениным и Никитой Муравьевым. Как следует из показаний самого Артамона Муравьева и братьев Никиты и Александра Муравьевых, А.З. Муравьев, обижаясь, что от него явно что-то скрывают, и желая сблизиться с московскими офицерами, к кругу которых принадлежал и Катенин, настаивал на включении его в общество и, услышав, что кто-то получает задание приглашать новых членов, «упросил» Никиту Муравьева и, по-видимому, присутствовавшего при разговоре Катенина выдать ему соответствующую бумагу (см.: *Восстание декабристов: Документы. Т. 3 / Под ред. и с предисл. М.Н. Покровского. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 28; Т. 11 / Подгот. Г.Н. Кузюков, А.А. Покровский; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. С. 119, 120–121, 127–128*). Второй эпизод также относится ко времени пребывания А.З. Муравьева в Москве в 1817 году и связан с двумя предложениями цареубийства, высказанными в доме Александра Муравьева. Первое предложение на тайном заседании сделал И.Д. Якушкин, второе, по-видимому, услышав какие-то разговоры об этом, высказал позднее Артамон Муравьев. В обоих случаях предложение было сразу отвергнуто и ни во что не вылилось, но, видимо, из-за предыдущего эпизода, в обоих случаях на допросах задавался вопрос, присутствовал ли на этих собраниях Катенин. Ответ был в обоих случаях отрицательный (*Восстание декабристов: Документы. Т. 3. С. 28–30, 56; Т. 11. С. 120*).

24 Сводку всего, что удалось найти о так называемом «Военном обществе» и роли в нем Катенина см. в предисловии Ю.Г. Оксмана к воспоминаниям Катенина о Пушкине — *Литературное наследство. Т. 16–18. М.: Издательство АН СССР, 1934. С. 623–624*. Оксман очевидно ставит своей целью максимально связать имя Катенина с декабристами, но количество и качество приведенных им документально подтвержденных сведений не позволяет говорить о сколько-нибудь заметной политической деятельности. Хотя, вероятно, любивший и умевший пустить пыль в глаза Катенин мог казаться со стороны важной персоной в движении — видимо, так воспринимал его А.З. Муравьев, от этого же свойства Катенина, вероятно, происходит тот слух, пересказанный с чужих слов Пестелем, о нем как главе одного из отделений Военного общества (*Восстание декабристов: Документы. Т. 4 / Под общ. ред. и с предисл. М.Н. Покровского. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 101*), который породил дальнейшее восприятие Катенина как крупной фигуры в ранних тайных организациях.

вию — вердикт Николая I был «оставить без внимания»²⁵. Опубликованный Катениным в 1818 году перевод монолога Цинны из одноименной трагедии Корнеля с призывом к убийству императора Августа²⁶, в котором обычно находят свидетельство радикальных декабристских устремлений автора и порой даже его предполагаемое участие в замысле цареубийства²⁷, как кажется, говорит как раз об обратном. Катенин очень точно перевел фрагмент из Корнеля — в 1818 году он не видел в этом опасности (неужели, замышляя реальное цареубийство, он бы привлек к себе внимание такой публикацией?) Из его писем к Бахтину явствует, что позднее его пугал и удручал контекст, в котором оказался его перевод после восстания, что заставило вычеркнуть его из проекта собрания сочинений 1827 года. Однако при подготовке в 1829 году издания (вышедшего в итоге в 1832-м) он уже вновь не видел в этом тексте возможности столь нелюбимых им «применений» и планировал включить его в собрание²⁸. Сомнительно также приписывание Катенину авторства гимна «Отечество наше страдает», традиционно входящего в корпус его стихотворений. Этот «гимн» долгое время был известен по единственному источнику, «Запискам» Вигеля²⁹. Вигель упоминает о нем как о слышанной в какой-то офицерской компании и запомненной случайно песне, якобы, как ему сказали, переведенной Катениным. Позднее был обнаружен еще один источник этой песни — машинописная копия мемуаров Д.И. Завалишина «Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском Заводе»³⁰. Текст, приведенный Завалишиным, несколько отличается от запомнившегося Вигелю, но никаких указаний на автора песни в мемуарах нет, поэтому факт ее принадлежности Катенину остается неподтвержденным.

По-видимому, личное свободолюбие, дерзость и неуживчивость Катенина сыграли в его судьбе значительно большую роль, чем политические убеждения и личные связи с некоторыми деятелями тайных обществ. Написав императору и получив от него прощение и разрешение вернуться в столицу, Катенин практически в каждом письме уговаривает Пушкина сделать то же самое (см., например, его письмо от 3 февраля 1826 года³¹), постоянно отмечая, как ему в Петербурге не хватает Пушкина. Как кажется, в их отношениях к власти и политическим событиям гораздо больше общего, чем различий — оба тяжело переживают декабрьскую трагедию и суд над друзьями и знакомыми, но оба

25 Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссиею, составлен 1827-го года // *Декабристы: Биографический справочник* / Подг. С.В. Мироненко. М.: Наука, 1988. С. 262.

26 *Сын Отечества*. 1818. Ч. 44. № 12. С. 229–231.

27 *Ермакова-Битнер Г. П.А.* Катенин. С. 9; *Орлов В.Н.* Пути и судьбы: Литературные очерки. Л.: Советский писатель, 1971. С. 134; *Панов С.И., Песков А.М.* Катенин. С. 504.

28 «...его я сам осудил тогда, вскоре после бедственного 14-го дек., но теперь никакие приличия не предписывают таить перевод отрывка из такой всем известной пьесы и сверх того перевод, уже напечатанный с лишком 10 лет тому назад» (Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину... С. 133). Вероятно, цензура не разделяла его благодушия — в напечатанное собрание монолог Цинны не вошел.

29 *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 6. М.: Университетская типография, 1892. С. 17.

30 См.: *Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т.* / Под общ. ред. В.Э. Вацура, Н.К. Гей, С.А. Макашина. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980. С. 249.

31 *Пушкин. Т. 13.* С. 258–259.

после возвращения из ссылки остаются в позиции наблюдателя, а не жертвы, не находясь ни в опале, ни под подозрением.

Думается, приведенных аргументов достаточно, чтобы уверенно утверждать, что Катенин никак не мог в «Старой были» пародировать два еще неизвестных ему пушкинских стихотворения, не имел оснований для памфлета и едва ли в момент написания каким бы то ни было образом проецировал свой текст на Пушкина. Отправляя ему стихотворение с пояснением, что «и повесть, и приписка деланы *во-первых* <выделено автором — Т. К.> для тебя, и да будет над ними твоя воля, то есть ты можешь напечатать их когда и где угодно», Катенин подчеркивал их статус дружеского дара и посвящения, а не памфлета и, возможно, намекал на упоминавшееся им в воспоминаниях пушкинское одобрение и ободрение начала работы над *былью*. Аналогичным образом 11 февраля 1828 года он писал любителю классики Бахтину о другом своем произведении, ожидавшемся адресатом: «Вы властны в Ахилле и Омире; он отчасти написан для Вас <...>. В свете он, правда, сильного впечатления произвести не может: *trop classique* <слишком классичен — *фр.*>, но художники, вероятно, отдадут ему некоторую справедливость»³².

Таким образом, изначальный посыл посвящения «Старой были» Пушкину выглядит вполне безобидным и лишенным двойного дна. Несколько ядовитые оправдания Катенина по этому поводу в письме к Бахтину³³, скорее всего, связаны с той личной неприязнью, которую испытывал Бахтин к Пушкину после первого знакомства³⁴, и яд Катенина, по-видимому, тут направлен на адресата письма, а не стихотворения. Попробуем проследить, что произошло дальше и какие подводные камни вызвали у потомков впечатление дуэли и противостояния двух поэтов.

Уже после отправки стихов Катенин продолжает обсуждать их с Бахтиным и получает от него ожидаемый упрек за излишнюю комплиментарность по отношению к Пушкину: «Вы укоряете меня в лишних похвалах Пушкину; я нарочно перечитал и не вижу тут ничего чрезмерного, ни даже похожего на то; я почти опасуюсь, что он останется недоволен в душе и также будет неправ»³⁵. Как видим, легкие опасения по поводу возможного пушкинского недовольства у Катенина есть (как, впрочем, были и опасения, что Бахтин осудит песню грека за «некий род пародии» на его любимого Ломоносова и прочую одическую поэзию). По контексту письма похоже, что опасения эти связаны именно с посланием «А.С. Пушкину», приложенным к «Старой были». Это неудивительно — Катенин задевает в нем Карамзина и современных поэтов-романтиков³⁶,

32 Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. С. 108.

33 «Вы мне скажете: К чему это? К тому, батюшка Николай Иванович, что он Пушкин меня похвалил в Онегине, к тому, чтобы *la canaille littéraire* не полагала нас в ссоре, к тому, что я напишу ему так, что Вы будете довольны, и к тому, что оно послужит в пользу. Я даже нахожу вообще приятным и так сказать почтенным зрелищем согласие и некую приязнь между поэтами, я же у него в долгу и хочу расплатиться» (Там же. С. 110).

34 Там же. С. 95.

35 Там же. С. 123.

36 Именно так он объяснил в воспоминаниях решение Пушкина не публиковать его послания, ограничившись публикацией «были» и своего ответа, хотя Пушкин, по его же словам, отговаривался неудобством от своего имени передавать в печать столь явную хвалу себе (см.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 188).

но в самой «были», по-видимому, не находит ничего опасного для отношений — хотя он уже прочитал «Стансы» и в шутку назвал Пушкина эллином, ему еще не приходит в голову, что кто-то может истолковать его текст как направленный против друга-поэта. Первые серьезные признаки беспокойства появляются у него к осени — Пушкин не отвечает на послание, ничего не пишет про «Старую быль», заставляя мнительного Катенина искать причины этого молчания и терзаться сомнениями и догадками. Масла в огонь подливает князь Николай Сергеевич Голицын, его близкий друг, назвавший посылку Пушкину «Старой быль» «une grande malice» («большим лукавством»). Катенин в панике и, как это ему свойственно, заранее переходит из обороны в наступление:

...если мой приятель, друг, полагает это, может то же казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знает кошка, чье сало съела, но хуже всего то, что я эдак могу себе нажать нового врага, сильного и непримиримого, и из чего? из моего же благого желанья сделать ему удовольствие и честь: выходит, что я попал кадиллом в рыло. Так и быть подожду еще, узнаю наверно, через Петербург, в чем беда, а там думаю объясниться; я не хочу без греха прослыть грешником³⁷.

Всю осень и декабрь он почти в каждом письме высказывает беспокойство и подозрения по поводу молчания Пушкина — хотя через Каратыгину ему переданы извинения и объяснение, что летом поэту совсем не писалось, а осенью он обязательно ответит в стихах, поскольку прозой тут отвечать нельзя³⁸. Объясняться не пришлось — публикация в конце декабря в «Северных цветах» «Старой быль» с лестной припиской Пушкина снимала вопрос о вражде и обиде. Досаду Катенина вызвало отсутствие в публикации его послания, из-за чего напечатанный в том же выпуске альманаха «Ответ Катенину» становился непонятным, сам же пушкинский ответ его не обидел. Для прояснения смысла ответа Катенин просит Бахтина распространить его послание в рукописи³⁹, затем включает его в свое собрание стихотворений, на которое Пушкин отзывался в высшей степени лестной рецензией, особенно выделив «Старую быль» в числе лучших стихотворений в книге. Как кажется, конфликт между поэтами гаснет, не начавшись — он существовал лишь в воображении тревожного Катенина, пока он в волнении ждал ответа, моделируя причины его задержки и тут же отвечая на эти придуманные причины.

В этом контексте пушкинский «Ответ Катенину» перестает выглядеть таким злым и ядовитым, каким его принято видеть в пушкиноведении. Характерно, что сам Катенин, человек в высшей степени обидчивый, мнительный и резкий в словах, ни в одном письме не высказал недовольства пушкинским стихотворением. Что же в этом «ответе» виделось исследователям как признак «ядовитости» и дуэльного удара? Для наглядности приведем текст Тынянова, который послужил основой для всех дальнейших рассуждений на эту тему (разрядка Тынянова указывает на те места, в которых он видит выпады Пушкина):

37 Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. С. 125. Письмо от 7 сентября 1828 года.

38 Там же. С. 128. Письмо от 16 октября 1828 года.

39 Там же. С. 135. Письмо без даты от марта 1829 года.

«Ответ» Пушкина был гневен и ироничен:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед,
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.
... Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в делах Парнаса,
Пред делом кубок наливай,
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

Жившему ряд лет в изгнании Катенину Пушкин говорил:

Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой

(следует отметить характерное «опять» — воспоминание Пушкина о своей ссылке). Еще ироничнее — ввиду тогдашней литературной перспективы — желание «убраться на покой» и пожелание остаться ему, Катенину, загнанному литературными врагами, в делах Парнаса взамен Пушкина. И, наконец, обиднее всего был совет уже тогда много пившему Катенину:

Пред делом кубок наливай.

Конец язвительный: пожелание пожинать одному с похмелья лавр нищего Корнеля и сумасшедшего Тасса. (Вне семантической двупланности стихотворения имена Корнеля и Тасса могли бы сойти только за комплимент.)⁴⁰

Последний выпад отвел В.Э. Вацуро⁴¹, отметив, что ни нищета, ни безумие не могли для Пушкина быть предметом шуток, так что придется признать имена Корнеля и Тасса, которых переводил и «воскрешал» Катенин, все же лестным для последнего сопоставлением. Попробуем проанализировать вне «дуэльного» и «декабристского» контекста остальные «выпады».

Цитата из стихотворения Державина «Философы пьяный и трезвый» («Не пью, любезный мой сосед...») — как известно, рефрен отповедей трезвого философа пьяному, предлагающему ему также рефреном: «Нальем, любезный мой сосед!» Кажется бы, такая цитата действительно выглядит весьма язвительно. Однако стоит принимать во внимание, что взять на себя роль державинского унылого резонера, отвечающего ходульным морализаторством на вполне близкие и Пушкину, и его адресату истории разочарований пьяного философа, Пушкин мог только в шутку. И эта шутка, очевидная для адресата,

40 Тьянов Ю.Н. Пушкин и его современники. С. 83–84.

41 Вацуро В.Э. Послание Пушкина к Филимонову // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. С. 98.

подчеркивала стиль доверительной цитатности, столь характерный для дружеского послания.

Как кажется, именно стилистика дружеского послания определяет почти все выделенные Тыняновым обороты «Ответа Катенину». Упоительная отравка (как и сладкая отравка) в поэтическом языке пушкинской эпохи — это искушение. Как правило, это искушение любви, как у самого Пушкина в «Руслане и Людмиле»:

Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшитесь, подражая мне,
Их упоительной отравы,
И почивайте в тишине⁴².

Однако искушением становится и слава (часто рифмующаяся с отравой⁴³), и само творчество, трактуемое как опасный путь, ведущий к славе. Эта тема в дружеских посланиях Пушкина возникает с первыми признаками поэтической известности — она явственно звучит уже в лицейском ответе «К Д<ельвигу>» («Послушай, муз невинных...», 1815) — причем ироничный тон лицейского послания в ответ на пафос восторженного послания Дельвига⁴⁴ уже во многом созвучен ироничному тону «Ответа Катенину». Поэт-лицеист в 1815 году лукаво просит не спешить со славой и дать ему еще «полениться и негой насладиться», тогда как в 1828 году поэт на пике славы столь же лукаво утверждает, что ему уже «пора убраться на покой» и просит друга не искушать его «упоительной отравой», которая может завлечь обратно «за славой». Никакого отношения к ссылке Пушкина и к давно закончившейся ссылке Катенина (в которую он отправился исключительно из-за театральных интриг) это не имеет⁴⁵.

Столь же мало обидного содержат последние стихи. Неясно, откуда Тынянов взял информацию о том, что Катенин как-то особенно много пил⁴⁶ — на-

42 Пушкин. Т. 4. С. 50.

43 См., например, у В.А. Жуковского в послании «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...») (1814) или у А.Ф. Мерзлякова в послании «К моей Л. В-не» («Простите, обольщенья...») (1815) и др.

44 Послание Дельвига «К А.С. Пушкину» («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...», 1815), напечатанное в «Российском музее» (1815. Ч. 3. № 9. С. 260–261); подробнее см. комментарий к пушкинскому посланию: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. СПб.: Наука, 1999. С. 646) а также: *Вацуро В.Э.* Лицейское творчество Пушкина // Там же. С. 430.

45 Тема «ухода на покой» появляется у Пушкина в эти годы не раз — достаточно вспомнить написанные в 1829 году строки «Путешествия Онегина»: «Мой идеал теперь — хозяйка, / Мои желанья — покой, / Да щей горшок, да сам большой» (Пушкин. Т. 6. С. 201).

46 Едва ли можно карикатурного героя романа А.Ф. Писемского (известного тяжелым пристрастием к спиртному) «Люди сороковых годов» (1869) Александра Ивановича Коптина отождествлять с реальным Катениным — в его описании использованы черты биографии и творчества поэта, но, как и везде в этом романе, исторические детали перемешаны с большим количеством художественного вымысла. Да и Писемский, родившийся в 1821 году, не мог знать Катенина 1820-х годов, знакомство их состоялось существенно позже.

против, во многих письмах он с гордостью упоминает о своей хорошей физической форме, регулярных верховых выездах и активных занятиях хозяйством. Очевидно, в пушкинском «Ответе» звучит центральная тема многих дружеских посланий — пир поэтов. В их контексте похмелье — это не тяжелое состояние наутро после пьянства, а сам момент хмельного пира, знаменующего веселье (с которым похмелье постоянно рифмовалось), дружбу, творчество, уход от бедствий жизни. Подобных примеров множество, приведу наиболее близкие.

У Дельвига:

Снова, други, в братский круг
Собрал нас отец похмелья,
Поднимите ж кубки вдруг
В честь и дружбы, и веселья⁴⁷;

у Козлова:

Хочу пиров, хочу похмелья;
Бездушным в свете стану жить;
Со всеми рад делить веселье,
Ни с кем же горя не делить⁴⁸

и у самого Пушкина:

Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук⁴⁹.

Практически обязательное обстоятельство обмена дружескими посланиями — отсутствие одного из друзей в кругу пирующих и одинокого пира отсутствующего. Либо поэт в уединении пирует один и пишет к далеким друзьям, либо пирующие друзья обращаются к находящемуся в уединении собрату. Таким образом, поэт, в одиноком похмелье пожинаящий лавр Корнелия или Тасса, — вполне законный адресат послания. Разумеется, пожелание это у Пушкина окрашено в иронические и снижающие тона — но эти тона как раз характерны для его обращений к близким друзьям — так годом раньше «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...», 1827) он завершает ничуть не менее ироничным пожеланием:

Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинской

47 Дельвиг «Снова, други, в братский круг...», 1826 (*Дельвиг А.А. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1986, С. 168*).

48 Козлов «К Тирзе» («Решусь — пора освободиться...», 1828 (*Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1960. С. 140 (Библиотека поэта. Большая серия)*).

49 «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825) (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 3. Кн.1. СПб.: Наука, 2019. С. 74*)

В пирах домашних воскрешай,
Или как Гамлет-Баратынской
Над ним задумчиво мечтай...⁵⁰

Катенин в своем послании, шутливо, но вполне искренне восхваляя Пушкина (конечно, также не без обязательных для дружеских посланий «шпилек», таких как предложение огласить беседу «бейронским пенъем»⁵¹) и одновременно намеренно задевая его круг, поставил Пушкина в непростое положение. Не отвечать было невозможно с точки зрения этикета и отношений, принять комплименты, сдобренные сарказмом по отношению к друзьям и Карамзину, было невозможно ни этически, ни эстетически — и Пушкин принял наименее рискованное решение напечатать ответ, не печатая послания. Разумеется, Катенин, для которого диалог «послание — ответ» был важен как в литературном плане, так и в личном (как свидетельство его близости с Пушкиным), был раздосадован. Но, распространив свое послание в рукописи и включив его в собрание сочинений, он, по сути, исчерпал проблему. Для Пушкина публикация катенинского послания не из его рук также уже не представляла неудобства — все годы своей дружбы с Катениным он поддерживал ее вопреки своему ближайшему кругу, Катенина не выносившему (особенно ярким его противником был князь Вяземский). Таким образом, находиться среди взаимных перестрелок своих друзей было для него не внове. Ничто не мешало ему помогать Катенину с подпиской на его собрание и похвалить в рецензии и все собрание в целом, и его автора, и отдельно «Старую быль». Он не был участником дуэли с автором — а к дуэлям Катенина с «младыми романтиками» он давно привык.

Библиография / References

- Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967.
(*Blagoy D.D.* Tvorcheskiy put' Pushkina (1826–1830). Moscow, 1967.)
- Вацуро В.Э.* Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 20 томах. Том 1. Лицейские стихотворения. СПб.: Наука, 1999. С. 417–439.
(*Vatsuro V.E.* Litseyskoe tvorchestvo Pushkina // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy v 20 tomakh. Vol. 1. Litseyskie stikhotvoreniya. Saint Petersburg, 1999. P. 417–439.)
- Вацуро В.Э.* Послание Пушкина к Филимонову // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. С. 91–98.
(*Vatsuro V.E.* Poslanie Pushkina k Filimonovu // Vatsuro V.E. Zapiski kommentatora. Saint Petersburg, 1994. P. 91–98.)
- Вацуро В.Э.* Сюжет «Старой были» П.А. Катенина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 785–791.
(*Vatsuro V.E.* Syuzhet «Staroy byli» P.A. Katenina // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Vol. 50. Saint Petersburg, 1996. P. 785–791.)
- Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ, 1941.
(*Vinogradov V.V.* Stil' Pushkina. Moscow, 1941.)

50 Пушкин. Т. 3. С. 72.

51 Катенин П.А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 185 («Библиотека поэта», большая серия).

- Декабристы: Биографический справочник / Подг. С.В. Мироненко, ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1988.
- (Dekabristy: Biograficheskiy spravochnik / Ed. by M.V. Nchkina. Moscow, 1988.)
- Ермакова-Битнер Г. П.А. Катенин // Катенин П.А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 5–57.*
- (*Ermakova-Bitner G. P.A. Katenin // Katenin P.A. Izbrannye proizvedeniya. Moscow; Leningrad, 1965. P. 5–57.*)
- Кац Б.А. Вопрос 7: Кто и где свистел? // Кац Б.А. Одиннадцать вопросов к Пушкину: Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 81–89.*
- (*Kats B.A. Vopros 7: Kto i gde svistel? // Kats B.A. Odinnadtsat' voprosov k Pushkinu: Malen'kie gipotezy s epigrafom na meste poslesloviya. Saint Petersburg, 2008. P. 81–89.*)
- Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб.: Искусство–СПб, 1999. С. 67–129.*
- (*Modzalevskiy B.L. Pushkin pod taynym nadzorem // Modzalevskiy B.L. Pushkin i ego sovremenniki: Izbrannye trudy (1898–1928). Saint Petersburg, 1999. P. 67–129.*)
- Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003.*
- (*Nemirovskiy I.V. Tvorchestvo Pushkina i problema publichnogo povedeniya poeta. Saint Petersburg, 2003.*)
- Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1955.*
- (*Nchkina M.V. Dvizhenie dekabristov. Vol. 1. Moscow, 1955.*)
- Панов С.И., Песков А.М. Катенин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 503–506.*
- (*Panov S.I., Peskov A.M. Katenin // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'. Vol. 2. Moscow, 1992. P. 503–506.*)
- Строганов М.В. Пушкин и Катенин: К истории стихотворения «Анчар» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2010. № 4. С. 221–243.*
- (*Stroganov M.V. Pushkin i Katenin: K istorii stikhotvoreniya «Anchar» // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya». 2010. No. 4. P. 221–243.*)
- Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 23–121.*
- (*Tunyaanov Yu.N. Arkhaisty i Pushkin // Tunyaanov Yu.N. Pushkin i ego sovremenniki. Moscow, 1968. P. 23–121.*)